

некоторых же глаголов такие формы в РЛС отдельно не даются, ср.: *раскусить* (раскушу), *окошить* (окошу), *грести* (гребу, греб, гребла) и др. Так как эти формы в РЛС помещаются непоследовательно, напрашивается мысль, — не следует ли в целях экономии места вообще отказаться от них, тем более, что эти формы даются при глаголах в инфинитиве.

Кроме того, сомнение вызывает наличие в РЛС большого количества устаревших и диалектных слов. Вопрос, — какие из них должны войти в состав двуязычного словаря, — очень трудный и требует, видимо, специального исследования. Аргументация составителей РЛС, что „эти слова нередко встречаются даже в новейшей литературе“ (стр. 3), не является убедительной. Спрашивается тогда, почему наряду с такими словами, как *векша*, *годить*, *гуняветь*, *допрежь*, *кавшун*, *одесную*, *посолонь* и др., отсутствует *паки* и *паки*, которое очень часто встречается в трудах В. И. Ленина?

В данном случае речь идет не о полном игнорировании устаревших и диалектных слов в словаре, а о необходимости выработки более строгих принципов для отбора таких слов. Думается, что в двуязычный словарь нецелесообразно включать те устаревшие и диалектные слова, которые отсутствуют хотя бы в 4-томном

академическом словаре русского языка⁶, напр.: *брякушка*, *выкаты*, *выкнуты*, *влиза*, *прекословник*, *просак* и др. С другой стороны, в РЛС не находим таких слов, как *аканье*, *дояр*, *приводниться*, *сочетаемость* и нек. др., которые, на наш взгляд, целесообразнее помещать в словаре.

С другой стороны, следует обратить внимание и на то, какие иноязычные слова нужно включать в двуязычный словарь. Так как имеются словари иностранных слов и в двуязычных словарях значения этих слов не объясняются, то помещение таких слов, как: *гладиатор*, *дезертир*, *машинист*, *ротатор*, *формализм*, *электрон* и т.д. в РЛС нам кажется обязательным. Другое дело слова: *гипноз* (*hipnozė*), *силлогизм* (*silogizmas*), *экстаз* (*ekstazė*), которые отличаются от тех же слов в литовском языке написанием, грамматическим родом или значением.

Таким образом, все эти и другие недочеты показывают, что принципы передачи значений слов, подачи слов в словаре, а также принципы отбора слов при составлении РЛС могли бы быть более продуманными и строгими.

Э. Галнайтите

⁶ Словарь русского языка, I—IV, АН СССР, М., 1957—1961.

ИСТОРИЯ БЕЛОРУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА¹

Первый том „Истории белорусского литературного языка“ Аркадия Иосифовича Журавского обнимает период от XIV—XV веков до конца XVII века — период существования старобелорусского письменного литературного языка.

¹ А. Жураўскі. Гісторыя беларускай літаратурнай мовы, т. I. Выдавецтва „Навука і тэхніка“, Мінск, 1967.

После вводных замечаний автора следуют главы: 1. Древнерусский литературный язык как исходный этап в истории белорусского литературного языка. 2. Язык белорусской письменности раннего периода. 3. Состояние белорусского литературного языка второй половины XVI — первой половины XVII века. 4. Упадок старобелорусского литературного языка.

В книге дается картина развития старобелорусского письменного языка с момента его выделения из древнерусского языка до исчезновения его во второй половине XVII века.

При рассмотрении древнерусского языка, исходя из задач изучения истории белорусского языка, автор книги считает более приемлемой трехстилевую систему древнерусского литературного языка — язык церковных книг, светской литературы и деловой письменности. При этом автор указывает на особо важную роль деловой письменности в истории белорусского языка.

В кратком обзоре языка произведений указанных жанров древнерусского литературного языка автор основное внимание уделяет соотношению в языке этих памятников двух основных языковых стихий — книжно-славянской и древнерусской. Указывается на время появления языковых черт, отличающих белорусский язык от русского и украинского — это период XIV—XVII вв. Таким образом, делается попытка в краткой форме указать на древнерусский литературный язык как начальный этап развития белорусского языка, как на базу для образования русского, белорусского и украинского языков.

Остальные главы посвящены изучению развития и упадка старобелорусского письменного языка.

В этих главах в хронологическом порядке рассматриваются орфографические, фонетические, морфологические, синтаксические и лексические черты отдельных памятников письменности.

Известно, что и сам отбор памятников старобелорусской письменности дело не легкое, т.к. для ранних периодов размежевание памятников белорусской и украинской письменности представляет собою трудную задачу, решаемую различными учеными по-разному. Не углубляясь сейчас в этот сложный и имеющий

уже достаточно большую историю вопрос, укажем лишь, что автор рецензируемой книги при отборе материала руководствовался относительно простым принципом: это в основном географический учет места возникновения памятника, места пользования им, затем — учет национальной принадлежности автора и последнее — языковой анализ: учитываются известные фонетические и отчасти грамматические отличия украинского и белорусского языков.

Во второй главе, посвященной языку белорусской письменности раннего периода, рассматриваются орфографические и языковые особенности деловой письменности конца XV — начала XVI века (записи Литовской метрики), летописей (летопись Авраамки), произведений светской переводной литературы („Троянская история“), переводы религиозных книг („Мучения Христа“, „Повесть о трех королях-волхвах“, „Житие Алексея, человека божьего“). Подробно рассмотрены языковые особенности изданий Ф. Скоринны, сочинений С. Будного и евангелия В. Тяпинского.

Исследуя язык письменных памятников XV — начала XVI века, относящихся к различным жанрам, автор книги исходит из положения, что в языке этих памятников отразились три основные языковые струи: книжнославянская, собственно белорусская и польская. Удельный вес каждого из этих трех элементов, естественно, разный в разных жанрах старобелорусской письменности — религиозной, светской и деловой.

Рассматривая язык деловой письменности, автор указывает на близость языка этих памятников к народному. Говоря о грамматической системе языка Литовской метрики, автор отмечает: „Агульную яе асаблівасць складае, максімальнае збліжэнне з сістэмай граматычных форм жывой беларускай мовы і мінімальнае

выкарыстанне традыцыйных кніжных рыс". 43.

Однако автор указывает, что даже в этот ранний период язык деловой письменности не является зеркальным отражением живого языка своего времени, что язык этот находился в большой зависимости от традиционных приемов (стр. 58–59); эти традиционные черты, не соответствующие фактам живого языка, как раз и сближают, по мнению автора, язык деловой письменности с другими жанрами литературы того времени. При исследовании произведений светской и религиозной литературы прослеживается постепенное проникновение в него собственно белорусских черт и полонизмов. Это дает основание автору „сцвярджаць, што на Беларусі ў XV–XVI ст.ст. існавала асобная мясцовая разнавіднасць кніжнаславянскай мовы, якую ўмоўна можна назваць беларускім тіпам кніжнаславянскай мовы“. 93.

И в дальнейшем, при исследовании языка изданий Скорины, книг С. Будного и В. Тяпинского, автор рассматривает в основном взаимодействие в этом языке книжнославянских и собственно белорусских и польских черт в орфографии, в системе форм, в синтаксисе и в лексике.

Этот же метод остается и в дальнейшем, когда рассматривается следующий период истории белорусского языка — вторая половина XVI — первая половина XVII века.

Здесь также рассматривается язык деловой письменности (Литовская метрика, Литовские статуты 1566 и 1588 годов, Трибунал 1581 года). Отмечаются собственно белорусская основа языка, полонизмы не только в лексике, но и в грамматике и указывается возросшая роль латинизмов в лексике этих крупнейших памятников деловой письменности Литовского княжества.

В разделе „Языковые особенности художественной (мастацкай) и историчес-

кой литературы“ рассматриваются языковые особенности летописей конца XVI — начала XVII века, переводные повести („Повесть о Тристане“, „Повесть о Бове“, „История об Атилле“ и „Книга о Тунданде“).

Следующие два раздела этой главы посвящены анализу языка конфессиональных книг — печатных и рукописных.

Последний раздел данной (третьей) главы посвящен специфике языка мемуарной литературы. Особое внимание уделено „Дневнику“ новогрудского подсудка Ф. Евлашевского, написанному в конце XVI — начале XVII века. О языке „Дневника“ А. И. Журавский пишет: „Мова помніка прадстаўляе сабой узор гутаркова — апавадальнага макараничнага беларуска-польскага жаргону, якім карысталіся ў той час службовыя асобы беларускага паходжання“. 336.

Последняя, четвертая по счету глава I т. „Истории белорусского литературного языка“ рассказывает о печальном конце старобелорусского письменного языка. Одной из основных причин упадка его автор считает ополчение белорусской знати, которая постепенно перешла на польский язык, так что решение Варшавского сейма 1696 года писать деловые бумаги на польском языке (отменявшие соответствующие статьи статуты 1566 и 1588 годов), по существу, только юридически утвердило положение, которое сложилось задолго до этого времени.

Подводя итог рассмотрению истории старобелорусского письменного языка, автор книги указывает на важнейшую особенность этого языка, которая заключается в том, что языковые достижения оказались совсем забытыми и не использованными в дальнейшем при формировании белорусского литературного языка в начале XIX века на народной основе (стр. 368).

Таким образом, история старобелорусского письменного языка в рецензируемой книге дается через анализ языка произведений основных жанров литературы того времени. План и метод этого анализа в основном постоянны, что дает возможность установления связей между рассматриваемыми памятниками и в пространстве (деловые, религиозные, светские) и во времени — в хронологической последовательности.

И тогда вырисовывается общая линия развития этого языка в течение более двух веков его существования.

Автор правильно отмечает, что внешним стимулом развития старобелорусского литературного языка, причиной его подъема и упадка была роль, которую этот язык играл в государстве — Великом княжестве Литовском: он сформировался и развивался тогда, когда служил официальным языком великокняжеской канцелярии и судопроизводства, достиг вершины своего развития во второй половине XVI века. Затем он постепенно теряет свое значение, уступая место польскому и латинскому. Это и приводит к его деградации, к тому, что он перестает существовать как язык письменный. Но потеря роли официального языка, в свою очередь, определялась изменившимися историческими условиями жизни Литовского государства. На эти условия указывается в книге, но они не изучаются, так как автор, по-видимому, стремился лишь проследить процесс изменения старобелорусского языка в течение указанного периода, но не ставил перед собою цели исследования тех исторических условий, в которых функционировал этот язык и которые в конечном итоге и определили его необычную судьбу.

С точки зрения внутренней истории старобелорусского литературного языка в рецензируемой книге представляется как борьба трех основных элементов —

церковнославянского (книжнославянского), белорусского и польского. Собственно белорусские черты все больше проникают в письменность и в конце концов делаются определяющим элементом языка не только деловой письменности, но и вообще всего литературного языка. Вместе с народнобелорусскими элементами в язык проникают и полонизмы. Поток полонизмов с течением времени усиливается и захватывает все стороны языка; ко второй половине XVII века польский язык вытесняет старобелорусский письменный язык.

*

Автор рецензируемой книги поставил перед собой очень трудную в существующих условиях задачу: представить картину существования и развития старобелорусского литературного языка как этап истории белорусского литературного языка.

Это первая в белорусской исторической литературе книга такого типа, т.к. книга Л. М. Шакуна „Гісторыя беларускай літаратурнай мовы“, вышедшая в 1963 году, в основном, посвящена изучению истории белорусского литературного языка нового периода, и старобелорусскому языку в ней отводится мало места. Затрудняет положение и отсутствие систематической исторической грамматики и исторической диалектологии белорусского языка; не подготовлен и исторический словарь белорусского языка. Автору приходилось пользоваться работами, посвященными отдельным вопросам истории белорусского языка, написанными с различными целями и различными методами. Поэтому многое в работе — результат самостоятельного исследования автора.

И как первый опыт книга А. И. Журавского, естественно, не может дать всестороннего исчерпывающего исследования языка с очень сложной историей;

и с большим количеством сохранившихся памятников. Тут еще очень многое не изучено, многие вопросы, решенные по отношению к истории русского и даже украинского языка, еще не решены в отношении к белорусскому языку. Ведь даже само название исследуемого языка — белорусский („беларуская мова“) автор книги счел необходимым обосновывать (стр. 238—240). Еще слабо изучены белорусско-русские и белорусско-украинские связи в области письменных языков в XIV—XVII веках².

Вероятно, поэтому история старобелорусского языка в рецензируемой книге дана в большой степени изолированно, вне связи с другими восточнославянскими языками своего времени. И хотя первая глава и рассматривает древнерусский язык как исходный этап в развитии старобелорусского языка, но в дальнейшем эта связь не учитывается. Поэтому в тех случаях, когда противопоставляются книжнославянские и собственно белорусские элементы в языке отдельных памятников, к последним часто относятся общевосточнославянские звуки, формы, слова, — то, что было свойственно еще древнерусскому литературному языку и потому не может быть рассматриваемо

² Книга В. В. Аниченки „Беларуска-украінскія пісьмова — моўныя сувязі“ (Мінск, 1969) вышла спустя два года после „Истории...“ А. И. Журавского.

только как белорусское. Иными словами, при изучении языка старобелорусской письменности следовало бы, думается, учитывать не только книжнославянский (церковнославянский), но и древнерусский литературный язык, одним из наследников которого и был старобелорусский.

Кроме того, недостаточная разработанность исторической грамматики и исторической диалектологии белорусского языка делает многие замечания автора книги о соответствии или несоответствии отдельных черт языка памятников живому белорусскому языку того времени декларативными: доказать или опровергнуть эти утверждения на современном этапе белорусистики весьма затруднительно.

И наконец: может быть, преждевременным является замечание автора о том, что достижения старобелорусского языка остались совсем забытыми для дальнейшей истории белорусского языка. Думается, и здесь будущее исследования всего того, что написано на белорусском языке с конца XVII до начала XIX века („китабы“, словари и пр.), внесут коррективы и в этот вопрос.

Несмотря на неизбежную при данных условиях неполноту, на некоторую противоречивость, книга А. И. Журавского является своего рода этапом в развитии истории белорусского языка как науки.

М. Закарьян